

В. Г. Мелихов

Главная площадь моей жизни

*И всё так же, не прощя,
Век наш пробует нас!
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
В тот назначенный час ?*

В отличие от героев стихотворения Александра Галича, вышедших 25 августа 1968 года на Красную площадь в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию, мои отношения с площадью Дзержинского были многолетними, достаточно обыденными и по-своему тоже определили мою судьбу.

По сути всё началось в сентябре 1961 года, когда наш курс отпраздновал новоселье в новом главном корпусе университета, а через месяц несколько моих однокурсников вкупе со мной – и второе новоселье на только что родившемся подготовительном факультете для иностранных граждан ХГУ. С ним-то и была связана, за небольшими исключениями, вся моя жизнь – без малого 54 года. С ума сойти – ходить полвека по одной и той же площади и подниматься по одним и тем же ступеням!

Правда, сейчас вспомнил о некоторых моих более ранних набегах на упомянутую территорию... В 1957 году я жил в общежитии, сдавая вступительные экзамены в университет. Это был 12-й корпус, выходивший торцом к Госпрому. Меня подселили к двум тихим парням откуда-то из украинской глубинки, поступавшим на мехмат. Поэтому мое штудирование учебника русской литературы Флоринского происходило на фоне диалогов типа «А зараз ми з тобою розв'яжемо оцю задачу. У нас є трикутник...» Окна нашей комнаты выходили на зоопарк, о чем и писал Гриша Тютюнник брату в это же время: «...живу рядом с зоопарком, весело, слушали рычание львов и тигров...» Кто бы мог подумать, что в будущем я буду учить русскому языку тех, для кого подобный музыкальный фон был родным и близким!

Помнится мне также работа по уборке строительного мусора на самом верху главного корпуса (там, где сейчас книгохранилище ЦНБ). Ступенек, по сути, не было, лишь осыпи из щебня, в который превратился разрушенный бетон перекрытий. Штукатурка уцелевших стен была испещре-

на надписями на немецком языке. Советские солдаты расписывались на стенах берлинского рейхстага, а немцы – на стенах нашего будущего ХГУ, а тогда полуразрушенного, но по-прежнему величественного Дома проектов. И если со стороны площади он как будто расположен вровень со своими соседями – Госпромом и Радиотехнической академией, то с востока он виден всему простору Залопанской части города – Центральному рынку, Ивановке, Южному вокзалу и Сортировке, вплоть до следующего нашего знаменитого холма – Холодной горы. И если смотреть оттуда, он высится, как скала познания над ущельем коммерции и путей сообщения. Или как книга, открывшая свои страницы-корпуса утреннему солнцу...

Рождение площади

*Как будто бы раздвинулись дома,
И город вдруг открылся перед нею,
Она открытой стала и сама, –
Наверно, нынче все ее решили
Наполнить солнцем, ветром и весной.
И хочется расправить плечи шире,
Когда идешь по площади такой!*

Б. Котляров

Харьков отличается от многих крупных городов мира тем, что имеет практически два равноправных центра – исторический и послереволюционный. Равноправны они потому, что оба служат местоположением центральных органов власти, старейших вузов, учреждений культуры и торговых предприятий. Разница, пожалуй, лишь в том, что в новом центре сконцентрированы еще и гостиницы, а в историческом – соборы и монастырь. Соборы вдобавок образуют классический сословный треугольник: казацкий Покровский, дворянский Успенский и купеческий Благовещенский

Конечно, рождение второго, послереволюционного, городского центра было вызвано новым статусом города: 19 декабря 1919 года Харьков неожиданно-негаданно для себя был объявлен столицей Украины. Если в первые годы советской власти новый столичный бомонд еще мог довольствоваться имевшимися в городе гостиницами и экспропрированными особняками, то к моменту расцвета НЭПа необходимость помещений, кроме все разраставшихся наркоматов, еще и для всевозможных трестов, банков, бирж и юридических контор стала просто кричащей. Нужен был новый центр города со всеми атрибутами столичного размаха. Следовательно, нужны были новые градостроительные идеи, воплощенные на новой пустующей территории.

И такая территория нашлась довольно легко, поскольку находилась на одной оси со старым центром, если считать такой осью Сумскую улицу. Территория эта исторически принадлежала Харьковскому университету

Современный вид главной площади Харькова – площади Свободы

еще с момента его основания и простиралась вдоль Сумской – от нынешней Рымарской улицы примерно, до Дворца бракосочетаний. «Жалованная грамота» императора Александра I об основании университета отнюдь не гарантировала ему жилплощади. Выручила патриотическая общественность города – старая казацкая верхушка – Донец-Захаржевские, Ковалевские, Квитки, Шидловские – сумели убедить Харьковское войсковое общество пожертвовать часть своих земель на благо новорожденного учебного заведения. Так возник Университетский сад, где наряду с аллеями для променадов выросли астрономическая обсерватория и ботанический сад, а птичник, пасека и шелководческая станция, принадлежавшие университету, дали начало Харьковскому городскому зоопарку.

Северная часть Университетского сада выходила на большой пустырь, по краям которого возвышались университетские постройки. Старейшей из них было здание Ветеринарного института, бывшего подразделением университета (ныне Дворец детского и юношеского творчества), еще севернее – химический факультет университета (сейчас здесь станция метро «Держпром»), медицинский факультет университета (сегодня станция метро «Университет», в просторечии «стекляшка») и клиники с бараками для раненых и инфекционных больных (ныне так называемый Клингор-

док со своим соседом — Военным госпиталем). Как видно, всё это университетское хозяйство имело отчетливый медицинский привкус.

Над тем, как создать среди такого разнородного набора учреждений новый столичный центр, пришлось поломать голову полузабытому харьковскому архитектору Виктору Карповичу Троценко.

Как известно, города отличаются «лица необщим выраженьем» стараниями архитекторов и скульпторов-монументалистов. (Еще, конечно, традиционным трудом инженеров и других работников ЖКХ, но мы сейчас говорим о создателях.) И, проходя изо дня в день мимо плодов их труда, мы практически ничего не знаем об их творцах. Не будем сравнивать их с бардами или иными деятелями шоу-бизнеса, но таким деятелям культуры, как писатели, художники и композиторы, повезло несравненно больше. Фамилия автора на обложке книги, подпись под живописным полотном в музее и имя композитора на афише гарантируют если не бессмертие, то определенную известность. Скульпторам и в особенности архитекторам не гарантировано ничего. Остановите любого прохожего на площади Свободы и спросите, знает ли он, кто такие Сергей Саввич Серафимов, Александр Иванович Дмитриев или Григорий Александрович Яновицкий. Результат предсказуем...

Виктор Троценко наметил общую конфигурацию площади, цепь монументальных зданий, охватывающих ее полукругом, радиальные кольца жилых зданий Загоспромья (как их зовут теперь) и начало новой магистрали — сегодняшнего проспекта Ленина.

Сформировать площадь было непросто — пустырь пересекали рытвины и овраги, а поверхность понижалась к востоку. Сейчас практически незаметно, что уровень основания Госпрома на 11 метров ниже уровня Сумской. Вдобавок площадь получалась асимметричной и напоминала сверху химическую колбу — прямоугольная часть плавно переходила в круглую, сдвинутую к северу. Но главным ее отличием были размеры — 12 гектаров. Никто не оспаривает того, что она стала крупнейшей площадью Украины. А дальше начинаются разночтения в виде мифов и легенд: первая в Европе и вторая в мире, вторая в Европе и шестая в мире и, наконец, шестая в Европе и четырнадцатая в мире. А может быть, человечество увлечено созданием гигантских площадей и нас неумолимо оттирают с пьедестала почета?

БУРНАЯ ИСТОРИЯ ГИГАНТА

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок.*

В. Хлебников

До 1926 года, до начала строительства правительственных зданий площадь называлась Ветеринарной, а после смерти Председателя ВСНХ и ОГПУ Ф. Э. Дзержинского получила его имя. Такой она и вошла во все учебники архитектуры...

В период немецкой оккупации она называлась площадью Немецкой армии, а в марте 1943 года захватчики окрестили ее площадью 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», ценой больших потерь захватившей Харьков вторично.

В 1991 году городские власти колебались между двумя названиями – площадь Независимости и площадь Свободы, окончательно остановившись на последнем.

Соответственно с течением времени менялся облик площади: прямоугольная часть оставалась неприкосновенной для парадов и массовых мероприятий, а с круглой начались эксперименты. Огромную круглую клумбу, разбитую у Госпрома, после войны оснастили деревьями и кустарником, уничтожив контраст между плоскостью площади и мощными объемами правительственных зданий – контраст, который влиял на восприятие одного и другого. Воздвигнутый в 1963 году памятник Ленину вообще разорвал единое тело площади, став центральной доминантой и отодвинув при этом Госпром на периферию зрительского восприятия.

В последние годы площадь испытывает сильные колебания в своем функциональном своеобразии. С одной стороны, это по-прежнему место проведения массовых действий: политических митингов, военных парадов, праздничных концертов. Апофеозом такой функции стал концерт группы «Queen», собравший 12 сентября 2008 года более 350 тысяч слушателей. Специфичным мероприятием была православная Литургия, которую впервые в истории площади отслужил 8 мая 2011 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. С другой стороны, статус уникальности площади, ее монументальность и зрительное своеобразие катастрофически снижают мелкие инициативы городских властей (ярмарки, песчаные и ледовые городки, катки и луна-парки), которые можно проводить на любом просторном участке города, хотя бы на Салтовке, жители которой практически лишены мест культурного досуга. Телеэкран с рекламными роликами, установленный на гостинице «Харьков» и орущий с утра и до вечера, придает площади колорит какого-то райцентра в базарный день. А когда во время ярмарки с участием районов области я увидел хрюкающего поросенка, привязанного за ногу к дереву напротив университета, я понял, что символы наступившей эпохи искать не надо. Они нас найдут сами...

Три первенца площади

*Столицей гудит украинский Харьков,
Живой, трудовой и железобетонный.*

В. Маяковский

Когда Виктор Троценко спроектировал новый центр, пришел черед архитекторов наполнять схемы проекта конкретным содержанием. Работа велась честно: в 1925 году был объявлен закрытый конкурс на головное здание проекта — Дом государственной промышленности, в финансировании которого на паях участвовало 22 треста и 10 наркоматов. Конкурс выиграл коллектив ленинградских архитекторов во главе с 47-летним Сергеем Саввичем Серафимовым, выступавшим под девизом «Незванный гость». Сразу же началось строительство здания в стиле конструктивизма. Его главными строительными элементами были металлические конструкции, бетон и стекло. Серафимов говорил, что «Госпром он пытался решить как частицу организованного мира, показать фабрику, завод, ставший дворцом». Огромное здание было построено за три года и отличается редким сочетанием пластичности, легкости и монументальности. Существует легенда, что композиция здания несет в себе символический смысл: если его очертания положить на нотную бумагу, то получатся первые такты «Интернационала». Очень скоро Госпром заслужил славу первого советского небоскреба, стал символом Харькова, вошел в учебники истории архитектуры. Его изображение открывает главу «Конструктивизм» во Всемирной архитектурной энциклопедии. Его-то и назвал французский писатель Анри Барбюс «домом-горой» во время своего пребывания в нашем городе.

Через два года С.С. Серафимов снова побеждает в закрытом конкурсе на создание Дома правительства УССР. Во время строительства правительство переезжает в Киев, и здание перепрофилируется как Дом проектов. Это тоже конструктивизм, но уже более тонкий и изощренный, с чередованием глухих и остекленных поверхностей, с плитой, парящей над центральной частью здания.

Третьему зданию из этой плеяды была суждена трудная судьба. Автором его проекта стал также ленинградец, академик архитектуры Александр Иванович Дмитриев. Он хорошо был известен Харьковцу как автор дореволюционного здания Управления железных дорог на Привокзальной площади и Дворца железнодорожников на улице Котлова. Однако задуманный им Дом кооперации был перепроектирован в здание Военно-химической академии. Отсутствие правительства в Харькове и, вероятно, надлежащего финансирования затянуло стройку на долгие годы. Были возведены боковые корпуса, а до центральной части руки так и не дошли.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА КОНСТРУКТИВИЗМУ

*Мы под Скопином скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.*

А. Межиров

Архитектуре неуютно на войне. И если людям можно спрятаться от бомбежки или артобстрела в убежище или просто покинуть опасное место, то произведения культуры во время военных действий беззащитны. Живописные полотна, книги, ноты, музыкальные инструменты можно эвакуировать, а куда эвакуировать дворцы, соборы, выдающиеся гражданские и инженерные сооружения?

Харьков немало пострадал в годы войны от бомбежек и боев в непосредственной близости от города – осенью 1941, весной и летом 1943 года. Что касается описываемых нами зданий, то судьба их сложилась по-разному. Наименее всех пострадал Госпром, частично был разрушен лишь 7-й подъезд. Секрет в том, что мощные конструкции из монолитного железобетона выдержали все испытания. В здании оставались сотрудники научно-технической библиотеки, которые в неотопливаемом помещении с выбитыми стеклами пытались сохранить наиболее ценные издания.

В Госпроме нашли приют три обезьяны макаки-резус, которые убежали из зоопарка от голода и холода. Их проведывали и подкармливали жители близлежащих домов.

Что касается Дома проектов, то меня всегда занимала часто встречающаяся фраза из воспоминаний харьковчан, переживших оккупацию: «А вдали уже несколько дней дымился Дом проектов». Причина мне была неизвестна, пока случай не свел меня с бывшим главным архитектором города Дмитрием Павловичем Кальным. На мои вопросы он ответил предельно конкретно: «Так я его и поджигал, не в одиночку, конечно». Перед приходом оккупантов им, выпускникам ХИСИ, дали это поручение. По его словам, они стащили мебель на первые этажи здания, полили ее керосином и подожгли. Сильные разрушения были вызваны тем, что в целях экономии при строительстве междуэтажные перекрытия частично были сделаны из дерева. Они-то и привели к обрушению лестничных пролетов и целых этажей.

Старый архитектор поведал мне о том, что тогда в открытую не говорилось: существовал четкий план уничтожения ряда учреждений и гражданских сооружений, в том числе водопроводной системы, электростанции, промышленных предприятий, мостов, плотин и т. п. План, который в основном был выполнен.

К сожалению, когда после освобождения города в 1943 году встал вопрос о восстановлении зданий в городе, власти подошли к решению

этой проблемы утилитарно и поспешно. Были снесены напрочь замечательные здания Дворца пионеров и школьников (бывшего Дворянского собрания) и гостиницы «Красной» на площади Тевелева, Дом Красной Армии, Присутственные места и Пассаж на Университетской улице, музейный комплекс на Павловской площади. На площади Дзержинского та же участь постигла здание обкома КПБУ, корпусов химического и медицинского факультетов университета.

Очень обидно, что если здания и восстанавливались, то совсем в другой стилистике – в русле послевоенной моды, которая характеризуется сегодня историками архитектуры как «сталинский ампир» или «сталинский неоренессанс». Ведь понятие авторства и авторского надзора в строительстве и реставрации в те годы были далеко не равнозначны чиновничьему произволу и безвкусице.

Вот и имеем сегодня банальный вид корпуса Национального университета имени Каразина, покрытого заурядной плиткой-«кабанчиком», которая постепенно, но неотвратимо отваливается; северный корпус того же университета (бывшая Академия имени Говорова), похожий на торт; переделанную в стиле «сталинский ампир» гостиницу «Харьков», получившую в 1938 году золотую медаль за свой конструктивизм, от которого, увы, ничего не осталось; здание Областной госадминистрации, созданное по типовому проекту для областных центров. Так, в середине XX века погиб интересный и талантливый замысел – создать столичный центр в стиле конструктивизма. Вернее, он был создан, и достаточно успешно, но не пережил периода реставрации. Похоже, что бомбежки и артобстрелы – это не самое опасное для архитектуры..

На этом можно было бы и поставить точку, но три года назад на моей любимой площади появился новосел – пятизвездочная 11-этажная гостиница «Премьер-Палас», здание впечатляющей современной архитектуры, с удивительным чувством меры и такта встроенное в череду своих собратьев. Естественно, мне захотелось узнать, кто этот «незванный гость». Им оказался архитектор Андрей Свистунов, тоже из Петербурга, как и его предшественник Серафимов! Похоже, что Ленинград «рулит» в Харькове снова... В общем, жизнь продолжается!